СУМЕРКИ

Смеркается день, расплетается нить,
и хочется плакать, и хочется пить
молящую музыку гласных, –
слетающий, тающий, солнечный сок, –
так малый росток раздвигает песок
неслышно, смиренно и ясно.

И вешней водицей весенний покой
кропить и грустить над ушедшей строкой,
растаявшей снегом, уплывшей рекой
на север, где небо жемчужно...

Прости и забудь задохнувшийся крик,
шагни и оставь за спиной материк, –
ни капельки больше не нужно.

НА БЕРЕГУ

На руках Посейдона – покой...
Что-то нежное шепчет волна,
набегая.
Из далекого детского сна
ты выходишь на берег морской,
Навсикая.

Я пишу телеграфной строкой, –
ты прости, я опять нездоров,
запятая,
и опять непослушной рукой
шепот моря косичками строф
заплетаю.

И мечтаются буквы любви
не на жарком сыпучем песке,
а на камне,
а цикада поет вдалеке, –
улетевшую рифму лови
в анаграмме.

Слишком поздно учить языки, –
на чужом обрывается нить
золотая...
Мне бы только напев сохранить,
я цитатой прорехи тоски
залатаю.

Словно соло ведет на трубе
равнодушная бойкая речь
телегида...
Мне уже не вернуться к тебе,
на песок золотой не прилечь,
Феакида.

НОКТЮРН

Спросишь ли, ночи любви памятью
перелистывая,
Как обрести просветленную мудрость,
и не расстраиваться
Ни о том, что судьба припрятала,
да запамятовала,
Ни о том, что сам разбрасывал,
не задумываясь...

Сердце наше подобно горнилу
пылающему:
Сверху копоть и шлак, но под ним
златосолнечное
Ядрышко, теплая капля желтка,
плачущая
Летнего вечера ясными
колокольчиками...

И невдомек иному, что самое
радостное
Нежность полной луны ловить
бессонницами,
Камешки слов на струны строчек
нанизывая,
Лишь потому, что попросила ты,
возлюбленная...

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Весна предчувствий и предвестий
взрывающая глухоту,
базар предметов и предместий,
сквозняк, прогнавший духоту,
остатки снега, кучки сора,
полуистлевшие «бычки»,
и ощущение простора,
и взгляд свозь пыльные очки
поверх голов, и в полусферу,
куда-то вдаль, в голубизну...
Весна сочится в глубину
по котлованам и карьерам
за каплей капля сквозь песок
до чистоты, до родниковой,
пульсирует, бежит поток,
и оживают переулки,
орут, блаженствуя, коты,
шпана выходит на прогулку
шансонничать до хрипоты...

И снова скучно и знакомо
как знаки брендов мировых
и мельтешенье насекомых
среди отходов бытовых.
Куда же плыть? Решайся смело,
все, что полюбишь. Выбирай,
и дальше, дальше, до предела,
за горизонт, за самый край...

Как хорошо, что все смывает
с дороги вешняя вода,
и весело звенят трамваи,
и в ночь уходят холода.

УРОК ФРАНЦУСКОГО

Урок французского идет вовсю –
здесь каждый уяснит, что он je suis
(подставьте нужное),
и мне приятно вспоминать toujours,
как говорят je ne mange pas six jours
дорогой вьюжною.

Ах, cher ami, мне, право, очень жаль,
что на дворе метель, а не мистраль,
но что поделаешь;
и как ни хочется cherchez la femme,
но получается «Левиафан»
и ящик белого...

Пора проснуться на Champs Elysees –
parole d'honneur, в моей скупой слезе
тоска по Франции.
Ах, sacre Dieu, Россия – край земли,
здесь за рубли не продают Charlie
на каждой станции.

И, наконец, Париж, Printemps, бульвар...
Ну, bon suare... pardon – и акшамлар –
без тени мистики.
Обедать предпочту на Place d'Alma,
там, уверяют, чок гюзель долма,
баклава фистикли...

Париж слывет столицей haute couture –
под вывесками «Афро-куафюр»
йохимбе варится,
и думаешь, куда же ты попал –
в Гвинею, или, может, в Сенегал
кот д'ивуариться?

А где же ваша Оттырдам-джами?
Le mosquee de Mariam? Поди пойми,
вся в пробках махалла.
Урок закончен, в сторону дела,
пора промолвить – иль хамдуль илла,
куллю тамам, халас.

АССИРИЯ

Летят золотые павлины
из вечных висячих садов
над пыльной и пепельной глиной,
где нет ни примет, ни следов
ушедшего в полночь Ашшура,
крылатых богов и быков,
где степь, словно львиная шкура,
покрыла скелеты веков.

И видят небесные птицы
сквозь мертвую пыльную твердь
жестокий полет колесницы,
охоту, сражение, смерть;
ревут исполинские звери,
мечи обнажают цари
над прахом погибших империй
в кровавых просветах зари.

И нет ни ракет-минаретов,
ни черных, ни пестрых знамен,
не смотрит с казенных портретов
на нас воплощенный закон,
и нет ни европ, ни америк,
не пляшут ни доллар, ни brent,
и некому рейтинг измерить
и вычислить нужный процент.

Но есть непосильная слава,
немыслимая красота,
и львиная кровь, словно лава,
течет, первородно чиста,
течет обжигающе близко,
так близко, что дух опален,
и падает смертная искра
в бессмертную бездну времен.

КОШАЧЬЕ ЗОЛОТО

Кошачьим золотом блистая
по напомаженным рогам,
горит и плавится пустая
чересполосица реклам.

Ее уже не замечаешь,
как на заборе воробья,
как вялый цвет спитого чая,
как нищенку среди тряпья.

Ее стараешься не помнить,
как чужака угрюмый взгляд,
но, словно шприц, дурманом полный,
она в тебя вливает яд.

И начинаешь жить иначе,
иначе видеть Божий свет...
Ты сам не свой уже, и, значит,
тебя, былого, больше нет.

И не Москва перед тобою,
а просто уровень игры,
который ты проходишь с боем,
как мушка в рое мошкары.

И не язык тебе дарован,
а выдан социальный код
в наборе пестрых упаковок,
рассчитанных на круглый год.

И чувствуешь – с такой дороги
по доброй воле не сойти,
и ждешь – войдет вершитель строгий
и вырвет вилку из сети!